

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-432-438>

Научная статья / Research article

Присвоение номера в нацистских концентрационных лагерях как фактор расчеловечивания: по воспоминаниям советских узников

Борис Григорьевич Якеменко

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

✉ Borislj@mail.ru

Аннотация: Рассматриваются семантическое и семиотическое значения присвоения номера узникам концентрационных лагерей нацистской Германии. Концентрационные лагеря нацистской Германии были формально предназначены для истребления врагов государства, но в действительности, помимо этого, они определяли границы возможностей превращения человека в часть тотального государства. Присвоение номера узнику в лагере было важнейшим фактором аннигиляции человека, трансформации его в знак, лишения человека важнейших антропологических свойств, что в конечном итоге облегчало уничтожение узника. В результате присвоения номера узникам по мере пребывания в заключении было все труднее вспомнить собственное имя, их внутренняя сущность «срасталась» с номером, настоящее имя забывалось. Показано, что сведение человека к номеру закрепляло лишение узника статуса человека, становилось высшей степенью деградации, превращало заключенного из человека в типовой экземпляр со знаком человека, номер которого соотносился и закреплял символическую аутентичность объекта, в который был превращен узник. Делается заключение, что присвоение номера выводило все действия эсэсовцев относительно узников за пределы любых моральных и этических оценок. Человек без имени, человек-номер, лишенный сознания личной уникальности и собственного образа – необходимых условий самовосприятия как мыслящего, живого существа, сливался с массой таких же, как он и обрекался на безмолвие, превращался в объект воздействия со стороны нацистской репрессивной машины.

Ключевые слова: фашизм, Вторая мировая война, Великая Отечественная война, нацистские преступления, военная антропология

Для цитирования: Якеменко Б.Г. Присвоение номера в нацистских концентрационных лагерях как фактор расчеловечивания: по воспоминаниям советских узников // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 3. С. 432–438. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-432-438>

Assigning Numbers in Nazi Concentration Camps as a Factor of Dehumanization: As Remembered by Soviet Prisoners

Boris G. Iakemenko

People's Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

✉ Borislj@mail.ru

Abstract: The author considers the semantic and semiotic meaning of assigning numbers to prisoners of the concentration camps of Nazi Germany. These concentration camps were formally designed to exterminate the enemies of the state, but in fact, in addition, they defined the limits of the pos-

© Якеменко Б.Г., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

sibilities of turning a person into a part of the total state. Assigning a number to a prisoner in a camp was the key factor in annihilating a person, transforming him into a sign, depriving a person of the most important anthropological properties, which ultimately facilitated the elimination of a prisoner. As a result of assigning a number to a prisoner, while staying in a camp, it became increasingly difficult for a prisoner to remember his own name; his inner essence "merged" with the number; his real name was forgotten. The reduction of a person to a number entrenched the deprivation of a prisoner of human status; it became the highest degree of degradation; it turned a prisoner from a person into a typical specimen with the sign of a person whose number correlated and entrenched the symbolic authenticity of the object into which a prisoner was turned. The assignment of a number took all the actions of the SS men regarding prisoners beyond any moral and ethical assessments. A person without a name, deprived of realizing his personal uniqueness and image – the necessary conditions for self-perception as a thinking, living being, merged with similar people; he was doomed to silence; he was turned into an object of influence.

Keywords: World War II, Great Patriotic War, fascism, Nazi crimes, military anthropology

For citation: Iakemenko, Boris G. "Assigning numbers in Nazi concentration camps as a factor of Dehumanization: As Remembered by Soviet Prisoners." *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 3 (August 2022): 432–438. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-432-438>

Введение

Концентрационные лагеря нацистской Германии (в терминологии Д. Руссе «Концентрационный мир») стали структурой, формально предназначенной для истребления инакомыслящих и устрашения остальных, но в реальности выполнявшей более сложные задачи, а именно – определения возможностей расчеловечивания, превращения человека в часть тотального государства. От подъема до отбоя вся структура жизни заключенного отражала в себе символическую систему тоталитарного и тотального государства и указывала узнику место на самых нижних ярусах системы. Концентрационные лагеря были главным условием существования нацистской Германии, теми реперными точками, к которым была привязана «карта» фашизма, и именно поэтому они не могли в будущем исчезнуть по определению. Концентрационный мир парадоксальным образом был гарантией реальности Рейха, необходимым условием этатистского самоощущения нацистской Германии как сильной и несокрушимой державы.

Концентрационный мир был государством в государстве с собственной территорией, городами, инфраструктурой, экономикой, культурой. Его основой была «столица» Освенцим (Аушвиц) площадью в 175 гектаров. Лагеря делились по функционалу – для простых военнопленных (*Stammlager*), пересыльные (*Durchganglager*), для военнопленных командного состава (*Officierlager*), трудовые (*Arbeitslager*), лагеря смерти (*Vernichtungslager*) и т. д. Концентрационный мир обслуживали десятки тысяч людей самых разных специальностей. В 1939 г. количество сотрудников концентрационных лагерей составило 22 033 чел., а в начале 1945 г. – 40 тыс. чел. Это не считая айнзацгрупп, помогавших им полицейских батальонов и других военнизированных соединений, вместе с которыми общая численность «обслуживавших» Концентрационный мир достигала почти 100 тыс. чел.¹

Крупнейшие концентрационные лагеря были созданы еще до начала Второй мировой войны – Дахау (1933 г.), Заксенхаузен (1936 г.), Бухенвальд (1937 г.) Флоссенбург и Маутхаузен (1938 г.), Равенсбрюк (сначала единственный женский лагерь, но позднее еще в 13 лагерях создаются женские зоны) (1939 г.) и, вскоре после начала войны, возникает Освенцим (1940 г.).

Вопрос о численности нацистских концентрационных лагерей в Европе и их жертвах является одним из самых дискуссионных вопросов как в западной, так и отечественной историографии. Советские исследователи Д. Мельников и Л. Черная дают

¹ Гюнтер Леви. Преступники. Мир убийц времен Холокоста. М., 2019. С. 16.

цифру в 1100 лагерей только на территории Германии, через которые прошли 18 млн чел. Из них погибли от 8 до 12 млн чел.² По мнению авторов коллективной работы «Топография террора», Концентрационный мир к январю 1945 г. состоял из 25 больших и 1200 малых лагерей с 7 млн только негерманских заключенных³. Согласно последним изысканиям американских исследователей М. Дина и Д. Мегарджи, на территории Европы с 1933 по 1945 гг. было в совокупности около 42 тыс. мест принудительного содержания (тюрем, гетто и лагерей) военнопленных, политзаключенных, евреев, цыган и «восточных рабочих», через которые прошло от 15 до 20 млн чел.⁴

Одним из условий пребывания узников в нацистских концентрационных лагерях была замена имени собственного на номер. Традиционно считается, что это было прежде всего необходимо для упрощения учета заключенных. В реальности же присвоение номера прежде всего было важнейшим фактором расчеловечивания узника, превращения его в знак, лишения человека важнейших антропологических свойств, что в конечном итоге облегчало уничтожение узника.

Процедура присвоения номера

При приеме в лагерь узнику присваивался номер через татуирование человека на левой руке от запястья к локтю, что означало, по словам А. Кемпински, «трактовку человека, как номера»⁵. В Майданеке и Маутхаузене на запястье вешали на проволоке кусочек жести с номером; во многих других лагерях номер обычно наносился только на одежду. Этот же номер наносился на «винкель» (*Winkel* – угол (нем.)) – кусок ткани определенного цвета (цвет и форма куска ткани обозначали категорию узника – политический, уголовный и т. д. На ткань также наносились буквы, обозначающие в сокращении национальность узника), часто треугольной формы (отсюда название) который нашивался на одежду и штаны. Этот номер лишал человека имени – важнейшего элемента самоидентификации, необходимого для окончательного завершения акта рождения, системы связи с метафизической действительностью⁶, «высшего достояния личности»⁷ – и выстраивал прямую аналогию с рабом или со скотом («Всех обрили наголо и, как скот, заклеямили. На руке Марии появился номер 65989»⁸), предназначенным на убой. «Их называли по номеру, вытравленному навсегда»⁹.

Номер в восприятии узников

«Мы раздевались в самом уголке, – вспоминает бывшая узница А. Никифорова. – Немка в черной пелерине протянула нам номерки на тесемках – отныне все наше имущество. Это было так унижительно, что Верка, не сдержавшись, ругнулась и вырвала номерок из рук надзирательницы. Какой злобой вспыхнули глаза фашистки! Угрожающе бормоча что-то, она пыталась добраться до Верки, но мы тес-

² Мельников Д., Черная Л. Империя смерти. Аппарат насилия в нацистской Германии в 1933–1945 гг. М., 1987. С. 257.

³ Topography of terror. Gestapo, SS and Reich security main office on Wilhelm – and – Prinz-Albertstrasse. A documentation. Catalog of the exhibition. Berlin., 2010. P. 157.

⁴ Вальтер К., Бушуев М. В третьем Рейхе было намного больше лагерей, чем считалось до сих пор // Deutsche Welle. URL: <https://www.dw.com/ru/v-третьем-рейхе-было-намного-больше-лагерей-чем-считалось-до-сих-пор/a-16659217> (дата обращения: 05.05.2022).

⁵ Кемпински А. Экзистенциальная психиатрия. М. – СПб., 1998. С. 39.

⁶ См.: Флоренский П. Имена. М., 2001.

⁷ Флоренский П. Священное переименование. Изменение имен, как внешний признак перемен в религиозном сознании. М., 2006. С. 235.

⁸ Сафина А. Узница Освенцима // Хронос. URL: http://www.hrono.info/text/2005/safina05_05.html (дата обращения: 05.05.2022).

⁹ Вивьерка Аннет. Как я объяснила моей дочери, что такое Освенцим. СПб., 2001 С. 13.

но окружили нашу подругу, не подпустили фашистку к ней. Веркины глаза наполнились слезами. – Не могу с номерком, как собака»¹⁰. «Теперь, – говорит одна женщина, – я помечена, как мои коровы»¹¹. «После клеймения я превращался в безликое существо, в раба, лишённого родины, свободы, имени – всего того, без чего немислимо человеческое существование» – вспоминал В. Бойко¹². Помимо того, что номер заменял имя, он служил паспортом, по которому можно было узнать о заключённом все, что необходимо: когда, откуда, каким транспортом прибыл узник, новичок он или бывалый заключённый, какова его национальность. Соответственно номеру строились и внутренние отношения.

По воспоминаниям многих узников, с каждой неделей пребывания в лагере им было все труднее вспомнить собственное имя, их внутренняя сущность «срасталась» с номером – не случайно многих заключённых не только эсэсовцы, но даже в своей среде вскоре начинали называть по номеру, как правило, по двум-трем последним цифрам, в то время как настоящее имя забывалось. «Я был во многих лагерях, – вспоминал узник лагеря «Гаттинген» А. Пилипенко, – много товарищей осталось в памяти. Я припоминаю их по лицам, закрыв глаза, знаю их номер, но не помню их имени. Так каждый день вызывали, отмечали, называли лишь номер... Мы знаем друг друга по номерам»¹³.

Символическое значение смены имени на номер

Как отмечал известный философ А. Лосев, человек, лишённый имени, перестаёт быть индивидуальным, он асоциален и может приравниваться к животному¹⁴. Говоря о «человеке без имени», П. Флоренский отмечает, что этот человек «представляется непосредственному сознанию каким-то мистическим уродом или недонском, обликом человека без подлинной сути, соответствующей своему внешнему виду... имя человека самое внутреннее, самое интимное в нем, чего он не может не знать, до такой степени оно слито с его самосознанием, то есть оно более связано с человеком, чем даже лицо его, его наружный облик»¹⁵.

Сведение узника к номеру закрепляло лишение его статуса человека, становилось высшей степенью имперсонализации, превращало заключённого в типовой экземпляр со знаком человека, в терминологии Лакана «децентрированный субъект», номер которого соотносился и закреплял символическую аутентичность объекта, в который был превращён узник. Данный цифровой код расшифровывался и изменялся насильем, а стирался с лёгкостью смертью. Лёгкость была обусловлена тем, что присвоение номера выводило все действия эсэсовцев относительно узников за пределы любых моральных и этических оценок, так как возможно причинять страдания Николаю, Марии, Петру или Ольге, но невозможно мучить и истязать номер.

Трагедия, мучения всегда субъектны, они возникают, если есть субъект, воплощающий трагедию, испытывающий страдания (трагедия, как и страдания, всегда чьи-то, не существует трагедии «вообще», как и безличных страданий). В этом случае трагедия и муки могут привести к осознанию происходящего, к катарсису, который и есть апофеоз трагедии и кристаллизация мучений, именно в катарсисе происходит осознание трагедии, как таковой, она обретает законченную форму и

¹⁰ Никифорова А. Это не должно повториться. М.-СПб., 2017. С. 13.

¹¹ Гоби В. Детская комната. Харьков-Белгород., 2016.

¹² Бойко В.Я. После казни. <http://litresp.ru/chitat/ru/Б/bojko-vadim-yakovlevich/posle-kazni/5> (дата обращения: 05.05.2022).

¹³ Полян П. «Если только буду жив». 12 дневников военных лет. М., 2021. С. 731.

¹⁴ Лосев А.Ф. Вещь и имя. М., 2008. С.67–75.

¹⁵ Флоренский П. Священное переименование. Изменение имен, как внешний признак перемен в религиозном сознании. М., 2006. С. 66.

превращается в средство преобразования действительности, а катарсис становится семиотической границей между «до» и «после».

Если же субъекта не существует, то ни мучения, ни насилие, ни массовые убийства не являются трагедией, не осознаются как катастрофа, не меняют ни палачей, ни действительность, так как сострадать некому и некого жалеть. Отсутствие границы ведет к гомогенности пространства события, к его тотальной деаксиологизации. Поэтому присвоение номера, приводившее к десубъективации узника, автоматически вело к изощренному насилию и массовым казням, которые не воспринимались как трагедия и масштаб которых не ощущался, так как это не приводило к катарсису и, следовательно, не было в состоянии ничего изменить.

Человек без имени, человек-номер, лишенный сознания личной уникальности и собственного образа – необходимых условий самовосприятия, как мыслящего, живого существа, сливался в массу таких же, как он, лишался возможности вступать в диалог с эсэсовцем, имеющим имя и звание, так как между номером и именем невозможна коммуникация, как она невозможна между человеком и неодушевленным предметом. Таким образом узник обрекался на молчание, превращался из видящего, то есть способного к диалогу, только в видимого, то есть в объект взаимодействия.

Лишение имени как финал предыдущей жизни

Лишение имени означало и лишение человека памяти, служило символическим окончанием прежней жизни, от которой не оставалось даже воспоминаний и переход в состояние «до истории», возвращение к истокам бытия, когда люди не имели имен. Человек, получивший номер, лишался возможности осознания себя, так как для этого того, чтобы осознать себя нужно было себя назвать, а следовательно, и возможности самоосуществления, становления в новых условиях. Получив номер, узник концлагеря обрекался на анонимное существование, бытие без лица, которое вызывало такой же страх, как осознание почти неизбежной собственной гибели. То есть с присвоением номера жизнь становилась равна смерти.

Присвоение номера, с одной стороны, означало, что узнику временно предоставляется жизнь и работа – тех, кто по прибытии после селекции направлялся в газовую камеру, не клеймили. С другой стороны, эта процедура в значительной степени облегчала процесс уничтожения узников, так как после клеймления уничтожался не человек, а выводилась из обихода, перекодировалась цифра, выбрасывалась типовая деталь огромного механизма Концентрационного мира. Нельзя не обратить внимание на то, что серийные детали машин также всегда имеют заводской номер. Многие советские узники вспоминали, что представители администрации лагеря постоянно подчеркивали, что в лагере узники не люди и даже не животные, а только знаки, номера, которые в любой момент можно стереть или изменить.

Не случайно снятие номеров означало лишение последней связи с действительностью и показывало, что узник приговорен. «Я посмотрел на китель полковника, – вспоминал Ю. Цуркан, – не было ни номера, ни винкеля. Человек обречен на уничтожение. Действительно, на следующий день Галинского увели в двадцатый блок»¹⁶. Л. Макарова точно отмечает, что «на этом фоне (на фоне деиндивидуализации. – Б.Я.) физическая смерть, сохраняя биологическое значение, играет второстепенную роль относительно социального небытия»¹⁷.

Клеймление фиксировало окончательное уничтожение рефлексии как формы самопроявления индивидуальности, поскольку цифра, номер не в состоянии ре-

¹⁶ Цуркан Ю. Последний круг ада. М., 2017. С. 319.

¹⁷ Макарова Л. Смерть в мировоззрении национал-социализма. Смерть, как феномен культуры. Межвузовский сборник научных трудов. Сыктывкар, 1994. С. 146.

флексировать, а только обозначать место в системе. Кроме того, несмыслимый номер символически обозначал, что выход из Концентрационного мира отныне невозможен. Хорошо известно, что у выживших узников номер до конца дней оставался важнейшим стимулятором ментального возвращения назад, в пространство лагеря. Не случайно многие узники после освобождения сводили номера.

Смена имени как катастрофа для верующих

Смена имени на номер для людей, имеющих религиозный опыт самоидентификации, имела особое, эсхатологическое значение, так как имя является важнейшим элементом самоатрибуции в рамках той или иной религии, связью с небесными покровителями, историей рода и этноса. После присвоения номера человек терял связь с родом, оказывался выброшен из собственной родовой памяти, своей истории и истории своего народа. С получением номера вместо имени человек в лагере объявлялся несуществующим, то есть возвращался в онтологическое состояние «досуществования» без предоставления в перспективе возможности становления.

Особенно унижительна была татуировка для религиозных евреев, так как являлась прямым нарушением одной из заповедей Торы: «И царапин по умершим не делайте на теле вашем, и наколотой надписи не делайте на себе. Я – Бог» (Левит. (Ваикра) 19.28). Причем запрещались татуировки потому, что ими пользовались варвары и идолопоклонники и делать ее, значит уподобляться им. В связи с этим стоит заметить, что номера не наносились на тело германских подданных и лиц германского происхождения¹⁸. То есть с помощью вытатуированного номера евреи переводились в иное состояние, на более низкую ступень цивилизации, возникала амбивалентность, которая постоянно вступала в конфликт с прежней религиозной сущностью, в значительной степени подавляя ее. Не случайно еврей-узники говорили: «в Освенциме нельзя умереть евреем»¹⁹. В более широком смысле – в концентрационном мире нельзя было умереть человеком, и замена имени на номер подчеркивала это с исчерпывающей очевидностью.

Выводы

Одна из важнейших задач системы концентрационных лагерей нацистской Германии состояла в том, чтобы лишить заключенного собственной идентичности, сделать его чужим самому себе, чтобы перевести его в иное социальное и антропологическое состояние, исключавшее любое сопротивление, блокировавшее любые попытки найти самоидентификацию. Присвоение номера, приводившее к лишению человека имени, превращению его в пронумерованную деталь огромной машины тоталитарного государства, было важнейшим инструментом, позволявшим успешно решать эту задачу.

Поступила в редакцию / Submitted: 10.04.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 15.07.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 18.07.2022

¹⁸ Концентрационный лагерь Освенцим-Бжезинка (Auschvits-Birkenau) / сост. д-р Ян Зен. Варшава, 1957. С. 46.

¹⁹ Агамбен. HomoSacer. Что остается после Освенцима. М., 2012. С. 43. Необходимо помнить, что этот тезис усиливался тем фактом, что тела убитых и погибших в лагерях узников кремировались, что прямо противоречило погребальным правилам и канонам иудаизма. Прежде всего, как и в случае с татуировкой, кремация мертвых практиковалась во многих языческих культурах. Галаха прямо требует ингумации, мало того, кремированные останки не могут быть захоронены на еврейском кладбище и многие традиционные законы траура не соблюдаются после смерти человека, чье тело было кремировано. Однако именно практика концентрационных лагерей в значительной степени внесла свои коррективы в иудейскую религиозную традицию, связанную с погребением. После Холокоста многие евреи собирали пепел из крематориев лагерей смерти и хоронили его на еврейских кладбищах.

References

- Agamben. *Homo Sacer. Chto ostaetsya posle Osventsima*. Moscow: Evropa Publ., 2012 (in Russian).
- Boyko, V. Ya. *Posle kazni*. Tbilisy: Merani Publ., 1986 (in Russian).
- Christie, N. *Okhranniki kontsentratsionnykh lagerei. Norvezhskie okhranniki «Serbskikh lagerei» v Severnoi Norvegii v 1942–1943 gg.* St. Petersburg: Alyreya Publ., 2017 (in Russian).
- Florenskii, P. *Imena*. Moscow: Eksmo-Press Publ.; Khar'kov: Folio Publ., 1998 (in Russian).
- Florenskii, P. *Svyashchennoe pereimenovanie. Izmenenie imen, kak vneshnii priznak peremen v religioznom soznanii*. Moscow: Khram sv. muchenitsy Tatiiany Publ., 2006 (in Russian).
- Gobi, V. *Detskaya komnata*. Kharkov-Belgorod: Klub semeinogo dosuga Publ., 2016 (in Russian).
- Kempinski, A. *Ekzistentsial'naya psikhatriya*. Moscow: Sovershenstvo Publ.; St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., 1998 (in Russian).
- Losev, A.F. *Veshch' i imya*. Moscow: Izd-vo Olega Abyshko Publ., 2008 (in Russian).
- Makarova, L. *Smert' v mirovozzrenii natsional-sotsializma. Smert', kak fenomen kultury. Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov*. Syktyvkar: [S.n.], 1994 (in Russian).
- Nikiforova, A. *Eto ne dolzhno povtorit'sya*. Moscow: [S.n.]; St. Petersburg: Rech Publ., 2017 (in Russian).
- Polyan, P. 'Eсли tol'ko budu zhiv.' 12 dnevnikov voennykh let. Moscow: Nestor-Istoriya Publ., 2021 (in Russian).
- Safina, A. "Uznitsa Osventsima." *Hronos*, http://www.hrono.info/text/2005/safina05_05.html (in Russian).
- Tsurkan, Yu. *Poslednii krug ada*. Moscow: [S.n.], 2017 (in Russian).
- Zen, Yan, ed. *Auschwitz-Brzezinka retrahitur castra. (Auschvits-Birkenau)*. Warsaw: Wyd-wo prawnicze Publ., 1957 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Борис Григорьевич Якеменко, канд. истор. наук, доцент кафедры истории России, Российский университет дружбы народов; 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; borislj@mail.ru

Boris G. Iakemenko, Associate Professor of the Russian History Department, RUDN University; 6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russia; borislj@mail.ru